

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

КЛАССИКА ОТ КЛАССИКА

СОФЬЯ ГЕНРИХОВНА

Я говорю теще:
— Софья Генриховна, скажите, пожалуйста, не найдется ли у вас свободной минутки достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Ноль внимания.
Я говорю теще:
— Софья Генриховна! Я до сих пор в неподшитых брюках. Люди смеются. Я наступаю на собственные штаны. Не найдется ли у вас свободная минутка достать швейную машинку и подшить мне брюки?

Опять ноль внимания.
Тогда я говорю:
— Софья Генриховна! Что вы носите в квартире, увеличивая беспорядок? Я вас второй день прошу найти для меня свободную минутку, достать швейную машинку и подшить мне брюки.

— Да-да-да.
Тогда я говорю теще:
— Что "да-да"? Сегодня ровно третий день, как я прошу вас достать швейную машинку. Я, конечно, могу подшить брюки за 5 шекелей, но если вы, старая паскуда, волкли на мне эту машинку 5000 километров, а я теперь должен платить посторонним людям за то, что они подошьют мне брюки, то я не понимаю, зачем я вез вас через три страны, чтобы потом мыкаться по чужим дворам?

— Ой, да-да-да...
— Что "ой, да-да-да"?

И тогда я сказал жене:
— Лора! Ты моя жена. Я к тебе ничего не имею. Это твоя мать. Ты ей можешь сказать, чтоб она нашла для меня свободную минутку, достала швейную машинку и подшила мне брюки?! Ты хоть смотрела, как я хожу, в чем я мучаюсь?!

— Да-да.
— Что "да-да"? Твоя мать отбилась от всех.

— Да-да.
— Что "да-да"?

Я тогда сказал теще:
— Софья Генриховна! Сегодня пятый день, как я мучаюсь в подкатанных штанах. Софья Генриховна, я не говорю, что вы старая проститутка. Я не говорю, что единственное, о чем я жалею, что не оставил вас там гнить, а взял сюда, в культурную страну. Я не говорю, что вы испортили всю радость от эмиграции, что вы отравили каждый день и что я вам перевозжу все, что вы видите и слышите, потому что такой дупой и беспамятной коровы я не встречал даже в Великой Отечественной войне.

Я вам всего этого не говорю просто потому, что не хочу вас оскорблять. Но если вы сейчас не найдете свободную минутку, не возьмете швейную машинку и не подошьте мне брюки, я вас убью без оскорблений, без нервов, на глазах моей жены Лоры, вашей бывшей дочери.

— Да-да-да. Пусть Лора возьмет...
— Что Лора возьмет? У вашей Лоры все руки растут из задницы. Она пришьет себя к кровати — это ваше воспитание.

— Софья Генриховна! Я не хочу вас пугать. Вы как-то говорили, что хотели бы жить отдельно. Так вот, если вы сию секунду не найдете свободной минутки, не достанете швейную машинку и не подошьте мне брюки, вы будете жить настолько отдельно, что вы не найдете вокруг живой души, не то что мужчину. Что вы носите по моей квартире, как лошадь без повозки, что вы хватаете телефон? Это же не вам звонят. Вы что, не видите, как я лежу без брюк? Вы что, не можете достать швейную машинку и подшить мне брюки?

— Да-да-да...
— Все!!! Я ухожу, я беру развод, я на эти пять шекелей выпью, я удавлюсь. Вы меня не увидите столько дней, сколько я просил вас подшить мне брюки.

— Да-да-да...
Я пошел к Арону:

— Слушай, Арон, ты можешь за пять шекелей подшить мне брюки?
— Что такое? — сказал Арон. — Что случилось? Что, твоя теща Софья Генриховна не может найти свободную минутку, достать швейную машину и подшить тебе брюки?

— Может, — сказал я. — Но я хочу дать заработать тебе. Ты меня понял?

— Нет, — сказал Арон и за 20 минут подшил мне брюки.

ОН НУЖЕН ЗДЕСЬ

Он вцепился в меня рукой. Ему лет семьдесят.
— Постойте, вы же этот... который... ну помните мне... В Москве который... Который пишет для этого... Ну, помните? Ну вы же

этот... Который сам читает? Ну помните? Ну и с этими... Два.. этих... И он... Господи... Стойте! Стойте же... Это он. Ну он еще тут рассказывал про этих... Ну стойте... Напомните мне... Ну кто его помнит? Стойте, стойте... Вы же недавно по телевизору про это... Ну про что же?... Ну про... там куда-то ездили... вы Изя?... А если честно?... Откуда я вас знаю?

— Не представляю.
— Вы племянник Розы?
— Нет.
— Но вы ее знаете?

— Нет.
— А в Америке у вас кто-то есть?

— Полно.
— Ну вот, скорее всего... Что же вы не здорываетесь? Стыдно, стыдно... Зайдите как-нибудь, я вам почитаю письма.

— Обязательно.
— Позвоните перед этим.
— Хорошо...

— Я же говорю, что я вас знаю. А вы: "Нет, нет". Я помню вашего отца. Он был часовщик?

— Нет.
— Да. Он не был часовщик. Я его помню. А мама шила?

— Нет.
— Да, да. Я помню, помню. Слава богу, в мои годы. А где у них "Привоз"?

— Вот. До вокзала и направо.
— Да, да, я помню, помню. Если что-то будет от тети Розы... Она в Израиле?

— Нет.
— Да, да, точно, ее там нет.

— Простите, я вообще ее не знаю.
— А как же. Конечно. Она же умерла до того, как ты родился. Ты какого года?

— 34-го.
— А она умерла в 53-м. Все точно. Я тоже хотел уехать. Потом решил: что мне там делать? Здесь я всех знаю. Я всем нужен. Ты знаешь, что такое, когда ты всем нужен. Вот сейчас мне, например, сейчас надо в мастерскую. Мне сейчас надо починить утюг. Что бы я там делал? А здесь мне надо плитку починить. То есть ты понимаешь, как я всем нужен.

Сейчас в Одессе плохо с этим... С как его... ну который горит... и я перешел на примус... Но его надо починить. Вот я иду. Тут был Изя, на Привозной он был один... Нет. Мне там делать нечего. Я здесь нужен. Здесь такой был Аркадий. Это что-то! Но он уехал.

— Он здесь.
— Я знаю. Я иду к нему. Мне раскладушку надо заклепать. Он сейчас клекает? Ты не знаешь — клекает? Он мне заклекает. И примус починю. Где, ты говоришь, у них вокзал?

— Вот этот шпиль.
— У них там "Привоз"?

— Там вокзал.
— Да, там вокзал. А там "Привоз", и там Аркадий. Он мне все починит. А что бы я там делал? Кого я там знаю? Куда я с раскладушкой в Америке? Они даже не знают, как ее раскладывать. А заклепать?... Только здесь. Здесь мы свои. Звони, я тебе все напомним.

Я ВИДЕЛ РАКОВ

(Для Р. Карцева)

Я вчера видел раков по пять рублей. Но больших. Но по пять рублей... Правда, большие... но по пять рублей... но очень большие... хотя и по пять... но очень большие... правда, и по пять рублей... но зато большие... хотя по пять, но большие... а сегодня были по три,

но маленькие, но по три... но маленькие... зато по три... хотя совсем маленькие... поэтому по три... хотя маленькие... зато по три... то есть по пять, но большие... но по пять... но очень большие. А эти по три, но маленькие, но сегодня... А те вчера по пять... но большие... но вчера и по пять, а эти сегодня, но по три, но маленькие, но по три. И сегодня. А те были по пять, но вчера, но очень большие, то есть те были вчера по пять и очень большие, а эти и маленькие, и сегодня, и по три.

Вот и выбирай, по пять, очень большие, но вчера либо по три, маленькие, но сегодня, понял? Не всё, но понял, но не всё? Но все-таки понял... Хотя не всё, но сообразил почти, да? Хотя не всё сообразил, но сообразил. Хотя не всё. Ну пошли. Не знаю, куда, но пошли. Хотя не знаю, куда. Но надо идти. Хотя некуда. Уже три — надо бежать... Но некуда... В том-то и все дело...

Он пробрался ко мне в самолете Москва — Одесса и навис над моей газетой.
— Я не знаю, я не знаю, Михал Михалыч, я Одессу люблю.

— Ну так любите.
— Нет. Я хочу — вот я не знаю... Я хочу жить в Одессе.

— Так живите.
— Так что вам мешают?

— Ничего. Просто я очень хочу там жить!
— Так вы что, не можете?

— Могу.
— И живите.
— Так я живу.
— И живите.
— И живу. Мне просто очень хочется жить в Одессе, вот что я хочу сказать.

— Не понял. А где ваша прописка?
— Там!
— Ну?
— Что?
— Так хорошо!
— Конечно.
— А если бы пришлось уезжать, вы бы не уехали?
— Нет.
— Вы бы остались?
— Да.
— А что вы все время хотите сказать?
— Вот это.
— Так живите.
— Нет. Просто хочется жить там, где хочется.
— А... Ну а вы бы где хотели?
— В Одессе.
— А вы где?
— Там.
— А... Ну... Тогда тут уж ничего не поделаешь. И дети ваши там?

— Конечно.
— Ну, значит, придется жить там, где хочется. Тут уж ничего не сделаешь...

— Да, — вздохнул он.
— Такие вопросы решаются в молодости.

— Так я не старый.
— Вот, и вы не старый. Сидите уж там, где сидите, тем более что вы там сидите. Вам нравится?..

— Ой! Не знаю... Очень!
— Видите. Как складывается... Вы где?

— Ой! Ну не знаю... В Одессе.
— А хотели бы?

— В Одессе.
— Ну что ж. Столько людей мечтают жить в таком месте. Значит, вы не один.

— Да я и не жалуюсь.
— А вы о чем мечтали?
— Вот об этом.

— А вы поставьте вопрос по-другому. Зачем мне мечтать об этом, если я там живу? И сразу успокойтесь.
— Спасибо.

Идите. Одесса уже под нами.

С НОВЫМ ГОДОМ

И вот снова собралась наша компания. Невзирая на расстояния, невзирая на убеждения, невзирая на материальное и семейное положение.

Уходящий год был потрясением для всех и многообещающим для населения.

Обещали все. Это был лучший по обещаниям год. И как сказал мой друг Гаррик: "Но так хочется верить, так хочется верить — в последний раз".

Да, Гаррик. На этом и построены Кузбасс и Магнитка, Освенцим и Днепрогэс.

Не будем надеяться на что-то большое вроде общего счастья.

Будем рассчитывать на что-то мелкое и твердое. Толя купит велосипед. Ира залагает крышу. Митька поймет математику. Я еще чем-нибудь вас рассмешу. На остальное зарабатываем.

В последний раз предлагаю надеяться на себя. Будем счастливы снизу. Тогда смена властей не будет так радостна и так трагична.

А пока подумаем о себе.
Злой не бывает счастливым.
Добрый не бывает одиноким.
Умный не бывает красивым.
Может быть, эти причины... у каждого...
За Новый женский год!
За подъем пресмыкающихся!
За вскакивание лежащих!
За рывок нерешительных!
За многообещающую встречу жен моряков курсантами высшего мореходного училища!
За этот вечер встречи четырех поколений!
За поцелуй молодости!
За крепкую руку старости!
За наслаждение этой старостью и возбуждение этой молодостью!

За общее движение от пения и танца к чтению и уму!

И как только каждый вдруг станет доволен своим результатом, от общего результата вздрогнут все!

И стол будет — как сейчас.
И мысли о еде — только во время еды.

И наши женщины будут не только украшать, но и двигать нами, разыгрывая тончайшие шахматные партии, вдвойне сложные, ибо им еще надо внушить нам, что это придумали мы, чтоб потом сказать: "Ну это ж ты так хотел". А мы не будем говорить им, что мы понимаем, что это придумали они, но внушили нам, чтобы мы придумали, что это придумали мы. Мы это прекрасно понимаем. Но... понимаем это поздно.

Ибо мы уже!
Мы уже!
Двигаемся по их наводке.

Хотя мы-то знаем великую тайну, что на самом деле мы двигаемся потому, что хотим этого сами, — так думаем мы, не зная, что и это желание внушили нам они. Как и эту жалкую мысль о свободе от независимости к положению на содержании главы семьи, от которого не зависит ничего всегда!

Хотя он думает внушенную ему мысль, что от него что-то зависит иногда!

Хотя и этот пост главы семьи мы давно и тайно передали им, по внушенной ими идее о бескровной передаче власти, чем выхлопотали себе несколько свободных дней в марте, с чем и поздравляем себя их словами.

Итак! С нашим счастьем! С этим годом! Когда на дворе плюс пять, а на душе плюс восемнадцать. Твои восемнадцать. Твоя молодость и надежда! И Бог с ним! Бог с ним! Бог с наступившим годом и этим всеобщим женским днем.